

30. *Городские поселения в Российской империи* : в 2 т. СПб., 1861. Т. 2.
31. Рычков Н. П. Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. СПб., 1770—1772. Т. 2.
32. *Военно-статистическое обозрение Российской империи*, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба. Т. 2, ч. 4 ; Вятская губерния. СПб., 1850.
33. Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859.
34. Арсеньев К. И. Путевые заметки о Юго-Восточной России // Журнал Министерства внутренних дел. 1844. Ч. 7, № 9.
35. Боже В. С. Быт городской дореволюционной // Кировка.ру. Летопись Челябинска : [сайт]. URL: <http://kirovka.ru/enc/index.php?id=3616> (дата обращения: 28.08.2011).
36. Дебу И. Л. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии. М., 1837.
37. Жуковский В. А. Дневники. СПб., 1903.

К. М. Ячменихин

Неземледельческие занятия военных поселян и пахотных солдат в Новгородской губернии

Проанализированы основные виды промыслово-торговой деятельности военных поселян-хозяев и пахотных солдат, которые составляли ядро поселенного гренадерского корпуса, дислоцированного в Новгородской губернии. Исследованы специфика ведения торговли и промыслов, главные их виды и роль в формировании бюджета семей поселян-хозяев и пахотных солдат. Выделены основные этапы истории военных поселений и специфика указанной деятельности в каждом из них.

Феномен института военных поселений Российской империи первой половины XIX столетия по-прежнему вызывает активный интерес исследователей [1, с. 211—219; 2, с. 88—91; 3, с. 19—25; 4, с. 64—73; 5, с. 188—195]. Введение в научный оборот новых источников, переосмысление уже накопившегося фактического материала позволяет достаточно радикально скорректировать устоявшуюся в историографии концепцию относительно этого института самодержавия. Так, например, в работах Т. Н. Кандауровой и автора данной

статьи доказывается, что уровень сельскохозяйственного производства в округах военных поселений как пехоты, так и кавалерии был выше, чем в помещичьей, государственной и удельной деревне соответствующих регионов [6, с. 143—156; 7]. К сожалению, авторы большинства учебников по истории как для средней, так и для высшей школы продолжают излагать рассматриваемую историю в таком ключе: «военные поселения — худший вид крепостничества».

Долгое время в историографии господствовало мнение, что округа военных поселений были совершенно замкнутым образованием и функционировали в режиме исключительно натурального хозяйства. Действительно, командование военных поселений, и особенно А. А. Аракчеев, прилагало максимум усилий для того, чтобы основное внимание было сосредоточено на сельскохозяйственном производстве (не упуская при этом и военную сторону), поскольку главная задача «поселенной части» округов заключалась в снабжении «действующей части» продовольствием и фуражом. В первые годы функционирования военных поселений неземледельческие занятия военных поселян, особенно в округах пехоты, искусственно сдерживались. Однако объективные условия, сложившиеся в деревне к этому времени, входили в противоречие с проводимой политикой. Дело в том, что к началу XIX в. многие крестьянские хозяйства тех регионов, где были развернуты военные поселения, в большей или меньшей степени оказались втянуты в рыночные отношения, которые предполагали развитие товарного производства и участие в торговых операциях либо на месте, либо с выездом в торговые центры. Даже в так называемый аракчеевский период (до начала царствования императора Николая I) военные поселения не смогли остаться вне формирующихся рыночных отношений.

С целью ограничения несельскохозяйственной деятельности военных поселян в августе 1822 г. были утверждены правила ведения торговли и промысловой деятельности, согласно которым вся ответственность и контроль за данной сферой возлагались на комитеты полковых управлений [8, ф. 405, оп. 1, д. 122, л. 160—170]. Среди соответствующих занятий командованием поощрялись коллективные подряды на поставку строительных материалов для округов военных поселений, а также подряды на строительство объектов различного назначения, особенно транспортных коммуникаций. Это объясняется, на наш взгляд, двумя причинами. С одной стороны, командование военными поселениями уделяло много внимания (с подачи А. А. Аракчеева) развитию сети дорог с твердым покрытием,

что не было характерным для российской действительности того времени. А с другой стороны, большая часть заработанных на строительстве денежных средств шла на пополнение так называемого заемного капитала, который юридически принадлежал военным поселениям и использовался в экстренных случаях: во время неурожая, при падеже скота, пожарах и т. п.

Суммы, заработанные на подрядных работах, в частности коллективных, были весьма значительными. Так, например, за выполнение подрядных работ, связанных с поставкой булыжного камня для шоссе Петербург — Москва в 1821—1822 гг., поселяне Гренадерского графа Аракчеева полка получили около 660 тыс. руб. [8, ф. 405, оп. 1, д. 88, л. 11—13]. При этом они понесли и убытки в виде накладных расходов, связанных с закупкой сена и продовольствия (около 120 тыс. руб.). Вырученные средства, как правило, шли на оплату аренды сенокосов, урожай с которых в значительных объемах реализовывался на рынках Петербурга, Новгорода и Старой Руссы. Часть денег выдавалась на руки. Некоторые поселяне-хозяева заработали до 300—350 руб., главным образом в тех случаях, когда они использовали на подрядных работах не одну лошадь, а несколько.

До 1825 г. согласно законодательству только подряды, заключавшиеся в пределах округов, могли не обеспечиваться залоговыми суммами. В январе этого года поселяне получили право вступать в подряды без залогов и вне округов военных поселений, но только «на перевозку тяжестей» и только по разрешению полковых комитетов; также согласно указу от 19 апреля 1828 г. допускались к торгам и подрядам, которые производились казенными палатами, еще в двух случаях — на поставку дров и соломы. Другие виды подрядных работ считались «несвойственными занятиям военных поселян» [8, ф. 405, оп. 2, д. 167, л. 11—13]. В августе 1829 г. данный указ был дополнен положением, по которому поселяне получили право заключать подряды на поставку «съестных припасов и прочих принадлежностей для госпиталей своих полков», а также на стирку госпитального белья [8, ф. 405, оп. 2, д. 1457, л. 21]. Поселяне округов пехоты, в отличие от округов кавалерии, редко брали в аренду мельницы или другие «экономические заведения». Как правило, они ограничивались арендой мелких лавок в полковых штабах, перевозами на реках, ротными и полковыми банями, рыбными ловлями и т. п.

При Аракчееве резко сокращается количество торгующих поселян. В округах пехоты, которые он непосредственно курировал и которые функционировали согласно его модели поселенных войск, в

отличие от округов кавалерии, которые были устроены по модели, предложенной генерал-лейтенантом И. О. Виттом, этот показатель сократился в четыре раза. В начальный период функционирования изучаемых поселений некоторые хозяйства, хорошо обеспеченные рабочими руками и тягловым скотом, могли в течение осенне-зимнего периода заработать 300 и более руб. Однако и здесь не обходилось без мелочной опеки командования, поскольку А. А. Аракчеев постоянно требовал «попечения господ батальонных командиров, чтобы значительные сии заработанные суммы не были военными поселянами израсходованы на предметы, внимания не заслуживающие, но употреблялись бы на то, что существенно составляет благосостояние каждого из хозяев» [8, ф. 405, оп. 1, д. 349, л. 616].

С воцарением Николая I начинается новый этап в истории военных поселений, связанный с их значительным реформированием, которое повлекло определенную либерализацию соответствующего режима. Одной из таких мер было снятие ряда ограничений и расширение прав поселян в области торговли и отходничества. Эти меры не замедлили сказаться на увеличении объемов их несельскохозяйственных занятий. Заметно возросло количество прошений об открытии мельниц и кузниц. Большой поток просьб, особенно в округах кавалерии, вынудил начальника Главного штаба е. и. в. И. И. Дибича издать в 1829 г. приказ, разрешавший поселянам-хозяевам беспрепятственно торговать вне округов военных поселений. В 1830 г. он был дополнен положением, согласно которому поселяне могли перекупать сельскохозяйственную продукцию для продажи на рынке [8, ф. 405, оп. 2, д. 167, л. 9, 28].

Оценивая состояние торгово-промысловой деятельности поселян в так называемый аракечевский период истории военных поселений, необходимо констатировать общий регресс по сравнению с периодом, предшествовавшим их созданию. Падение товарности большинства бывших крестьянских хозяйств, слабость вновь формируемых, политика властей по ограничению несельскохозяйственных занятий поселян, которые якобы мешали реализации главных целей таких поселений, вело к значительному сокращению их торговых оборотов и промысловой деятельности. По справедливому замечанию В. А. Федорова, ограничение торговой деятельности крестьянского хозяйства, втянутого уже в товарно-денежные отношения, отбрасывало его вспять [9, с. 116]. Некоторый рост торговых оборотов отмечается после реформирования военных поселений во второй

половине 1820-х гг. и снятия ряда ограничений в данном вопросе, однако достичь уровня 1816—1817 гг. они так и не смогли.

Что касается округов кавалерии, дислоцированных в Слободско-Украинской и Херсонской губерниях, то в отличие от округов пехоты режим ограничений и мелочной регламентации здесь не так довлел над поселянским хозяйством, что позволяло свободнее распоряжаться как своим временем, так и излишками произведенной продукции. Только этим, по нашему мнению, можно объяснить тот факт, что в округах кавалерии было значительно больше поселян, торговые обороты которых достигали 25 тыс. руб., что вдвое превышало самые крупные обороты в округах пехоты [8, ф. 405, оп. 2, д. 6993, л. 109].

После восстания в 1831 г. военных поселян округа поселения гренадерского корпуса, расположенные в Новгородской губернии, были преобразованы в округа пахотных солдат, юридический статус населения которых значительно отличался от статуса военных поселян [7, с. 156—186]. Реформирование системы вызвало оживление торговли и отходничества. Так, например, в 1834 г. из-за большого скопления войск в округах пахотных солдат Новгородского уезда была разрешена постоянная торговля, но под строгим контролем, «дабы не было продажи вина» [8, ф. 405, оп. 2, д. 11 080, л. 2]. Введение же достаточно высокого денежного оброка взамен снабжения войск продовольствием вынуждало пахотных солдат реализовывать часть избыточного, а иногда и необходимого продукта, что, несомненно, должно было стимулировать их торгово-промысловую деятельность.

Бедные пахотные солдаты-хозяева не могли активно заниматься торговлей и отходничеством ввиду значительных пошлинных сборов: за «отпускной билет» на срок более трех месяцев нужно было заплатить 29 коп. серебром и 0,5% со всего торгового оборота; за сплав продуктов по воде — 29 коп. серебром и 1 руб. 14 коп. за каждую барку. Анализ архивных материалов свидетельствует о быстром росте численности крупных торговцев в среде пахотных солдат. Во многом это объясняется тем, что последние в отличие от других категорий податного населения были освобождены от уплаты гильдейских сборов, а также имели преимущества во время торгов, проводившихся военным ведомством. Основную долю таких хозяев составляли перекупщики сельскохозяйственной продукции, где на первое место выходил овес, особенно востребованный в крупных городах и в армии. В ряде округов пахотных солдат уровень товарности данной культуры достигал 30—40% валового сбора.

По подсчетам А.С. Тургаева, суммы, вырученные пахотными солдатами от продажи продукции земледелия, почти не изменялись вплоть до начала 1850-х гг. и были близки к сумме взимавшегося с них оброка — около 350 тыс. руб. серебром [10, с. 130]. Справедливо также его замечание, что эта сумма могла быть и выше, если бы пахотные солдаты имели больше возможностей реализовывать свою продукцию на рынках Петербурга или других крупных городов, чего зачастую были лишены из-за выполнения множества натуральных повинностей.

Нельзя также не упомянуть и о некоторых мерах протекционистского характера, предпринимаемых правительством и командованием с целью создания лучших условий для поселянской торговли. Так, например, в 1822 г. А.А. Аракчеев отметил, что «некоторые поселяне входят в разные сделки с евреями и через сие расстраивают свое хозяйство...» На этом основании он предписал начальнику округов военных поселений в Могилевской губернии генерал-майору Яфимовичу сделать распоряжение, «дабы евреи в округах военных поселений Полоцкого и Елецкого пехотных полков не только не жили и не занимались никакими промыслами, но ни под каким предлогом не были допускаемы и в селения, к округам военных поселений принадлежащим» [8, ф. 405, оп. 1, д. 147, л. 629]. Подобная практика продолжалась и при Николае I. В 1830 г. император, получив донесение о том, что «по округам военного поселения Гренадерского корпуса разъезжают под разными предложениями евреи, высочайше повелел соизволить: всех евреев, находящихся в округах 1-й гренадерской дивизии, собрать в г. Новгороде, рассмотреть их бумаги и выслать каждого по принадлежности, запретив въезд в военные поселения» [8, ф. 405, оп. 2, д. 1877, л. 1].

Следует также отметить и тот факт, что арендаторы лавок в полковых штабах имели преимущество перед поселянами в розничной торговле. Такое положение, как заметил начальник округов пахотных солдат генерал-майор Ф.К. фон Фрикен, служило «поводом держателям сих лавок назначать произвольные цены и самые товары держать не надлежащей доброты, от чего как жители округов, так и войска, в оных квартирующие, стесняются и на таковые злоупотребления держателей были уже приносимы жалобы». В связи с этим в 1834 г. было принято решение «отдавать в оброчное содержание только помещения в лавках, а не право на исключительную торговлю, взявшим в оброк те лавки и не воспрещать посторонним про-

мышленникам с дозволения окружного комитета производить торговлю съестными припасами и другими товарами» [8, ф. 405, оп. 2, д. 9279, л. 1—2].

По нашим подсчетам, больше всего занимались торговлей пахотные солдаты в 5-м и 6-м округах Новгородского и в 9-м округе Старорусского уделов. Главная причина, на наш взгляд, заключалась в близости этих округов к Новгороду и Старой Руссе, а также в том, что через них пролегали важные водные и сухопутные транспортные пути. Наибольшее количество торгующих пахотных солдат было сосредоточено в 5-м округе: обороты некоторых из них достигали 15—20 тыс. руб. серебром. Столь значительное их количество (549 хозяев) в данном округе объясняется прежде всего тем, что они были освобождены от уплаты оброка, поскольку не принимали участия в восстании военных поселян в 1831 г. Упомянутый оброк равнялся 60 руб. ассигнациями с хозяина и 5 руб. ассигнациями с каждой души мужского пола в возрасте от 15 до 60 лет. Кроме того, село Медведь, являвшееся центром округа, было крупным торговым селением.

В округах пахотных солдат имела место и промысловая деятельность, в первую очередь рыбная ловля, которая, по мнению ряда исследователей, издавна носила здесь промышленный характер с элементами кооперации, когда крестьяне объединялись в артели [11, с. 325]. Жители многих деревень, расположенных на берегах озера Ильмень и реки Ловать, из-за недостатка пахотных земель занимались преимущественно этим промыслом. Зажиточные пахотные солдаты нередко арендовали многочисленные рыбные ловли и успешно сбывали товар как на месте, так и на ярмарках.

В ряде округов были развиты промыслы, связанные с проводкой судов и извозом. Ф.Н. Родин отмечал участие бурлацких артелей, состоявших из пахотных солдат, в «гонке судов по рекам и каналам между Рыбинском и Петербургом» [12, с. 130]. Извоз был распространен в Новгородском уделе, через который пролегали важные шоссейные дороги. В незначительной степени были развиты садоводство и пчеловодство.

Отходничество и после реформирования военных поселений не очень поощрялось командованием, полагавшим, что «промыслы и заработки в пределах их округов в достаточном размере: значительными поставками лесных материалов, постройками казенных зданий, подвозками к пристани разнородных продуктов для сплава в

Петербурге; промыслы и заработки за чертою округов не всегда бывают успешными, а между тем пахотные солдаты, увлекаясь ими, отвлекаются от своих семейств и земледельческого быта» [8, ф. 405, оп. 4, д. 5137, л. 10]. Отношение к отходничеству в положительную сторону начинает изменяться к концу 1840-х гг. в связи с ростом недоимок по оброчным платежам. В самих округах стали чаще привлекаться к подрядам на различные работы пахотные солдаты. Значительное их количество работало на строительстве железной дороги Москва — Петербург. В столице многие нанимались кучерами, сторожами, лакеями и тому подобное, то есть преобладал неквалифицированный отход. Исследователи отмечают случаи, когда пахотные солдаты трудились на заводах Петербурга: Александровском механическом, Нобеля, Томсона и др. [13, с. 152]. Военный министр, например, приказал продлить действие паспортов пахотных солдат, работавших на заводах, изготавливавших паровые двигатели для флота.

В 1842 г. высочайшим указом военным поселянам и пахотным солдатам было предоставлено право «вступать в казенные подряды и поставки вне округов с платежом гильдейских повинностей наравне с мещанами и крестьянами» [8, ф. 405, оп. 10, д. 375, л. 20]. В 1848 г. они получили право записываться в купеческое сословие «с платою за выход по 1500 руб. с хозяина и особым взносом за детей и с обязательством учреждения нового хозяйства» [8, ф. 405, оп. 10, д. 917, л. 91—92]. Военные поселяне и пахотные солдаты получили также право «приобретать недвижимое имущество вне округов на общих правилах, постановляемых для сельских обывателей» [8, ф. 405, оп. 10, д. 1406-А, л. 11].

В начале 1850-х гг. количество пахотных солдат, находившихся на заработках в Петербурге, возрастает настолько, что Департамент военных поселений Военного министерства вынужден был поручить специальному чиновнику помогать им в оформлении всевозможных бумаг, договоров, судебных и прочих дел, поскольку большинство солдат было неграмотным и часто попадало в затруднительное положение. Однако их численность была «гораздо менее числа удельных и казенных крестьян, проживающих здесь для торговли или другого какого-либо промысла» [8, ф. 405, оп. 4, д. 6524, л. 15].

Оценивая в целом состояние торговли, промысловой деятельности и отходничества в округах военных поселений и пахотных сол-

дат, необходимо отметить, что и здесь фиксируются те же тенденции, которые были характерны для экономики всей страны, переживавшей системный кризис. Даже после определенной либерализации института военных поселений в конце 1820-х — начале 1830-х гг. и несмотря на ряд льгот, которые имели данные поселяне и солдаты в неземледельческой сфере деятельности, рамки этого института, узость товарного производства сдерживали развитие производительных сил.

Список источников и литературы

1. Кандаурова Т. Н. Развитие хозяйственной инфраструктуры в военных поселениях кавалерии // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. Орел, 2006.
2. Кандаурова Т. Н. Российские военные поселения XIX века как основа формирования военно-земледельческой субкультуры // Вісник Чернігівського національного педагогічного університету. Серія : Історичні науки. № 8. 2011. Вип. 87.
3. Ячменихін К. Соціальний статус військового поселенця Російської армії за часів Олександра I // Вісник Чернігівського національного педагогічного університету. Серія : Історичні науки. № 8. 2011. Вип. 87.
4. Ячменихін К. М. Военные поселения при императоре Николае I // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 7 : Военная политика императора Николая I. М., 2009.
5. Ячменихін К. М. Европейские компоненты в хозяйственной жизни военных поселений Российской империи // Диффузия европейских инноваций в Российской империи : матер. Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2009.
6. Кандаурова Т. Н. Формирование состоятельных хозяев на основе военно-поселенной организации // Зажиточное крестьянство в России в исторической ретроспективе. Вологда, 2001.
7. Ячменихін К. М. Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов, 2006.
8. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
9. Федоров В. А. Борьба крестьян России против военных поселений (1810—1818) // Вопросы истории. 1952. № 11.
10. Тургаев А. С. Социально-экономическое положение пахотных солдат Северо-Запада России : дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985.
11. Истомина Э. Г. К характеристике крестьянских промыслов Северо-Запада России второй половины XVIII в.: по материалам Новгородской губернии // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1970. Т. 28.
12. Родин Ф. Н. Бурлачество в России. М., 1975.
13. Китанина Т. М. Рабочие в Санкт-Петербурге 1800—1861 гг. Л., 1991.

Т. М. Китанина

**Источники формирования категорий
промышленных рабочих в первой половине XIX века
(на материалах губерний Европейской России)**

Рассмотрены различные источники формирования многочисленных категорий промышленных рабочих в условиях переходного периода от феодализма к капитализму в России. Дана развернутая характеристика сформировавшихся групп рабочих. Сделан вывод о том, что ни одна эпоха в истории страны не знала такой пестроты их социальных категорий, как в предреформенное полу столетие, и ни одна эпоха не испытывала столь глубокого дефицита рабочей силы.

Предреформенные десятилетия — эпоха в социально-экономическом плане чрезвычайно сложная и во многом противоречивая. Нараставший кризис феодально-крепостнической системы повлек за собой глубокие изменения во всех хозяйственных сферах государственного организма России, ставшие ощутимыми уже на рубеже XVIII—XIX вв. Общее оживление экономики в аграрной сфере выразилось в наметившейся хозяйственной специализации географических районов, росте недворянского землевладения как следствии закона 1801 г. о свободной продаже земли, а также в усилившейся социальной дифференциации крестьянства, развитии его промыслов и кустарной промышленности, возросшей интенсивности крестьянского отхода.

В области промышленности значительные сдвиги были связаны с развитием новых добывающих и обрабатывающих отраслей, концентрацией капитала и сосредоточением крупного производства в городах. Данную тенденцию можно обнаружить во всех промышленно развитых губерниях. О чем это свидетельствовало? Прежде всего о естественном вызревании капиталистических отношений в недрах отживающего феодального строя.

В России формировались новые индустриальные районы, имевшие значительный производственный потенциал. В степени «противопоставленности» города и деревни, по справедливому замечанию П. Г. Рындзюнского, «можно видеть своеобразный измеритель успехов капиталистического развития страны в целом» [1, с. 69]. Тем не менее процесс отделения города от деревни в первой половине